

A man with a long, grey beard and a balding head is laughing heartily. He is wearing a dark, ribbed sweater. The background shows a workshop or office with wooden shelves containing various items, a red fire extinguisher, and a white smoke detector on the ceiling.

Позовите ДОКТОРОВ!

или Как физики становятся богословами

В 1969 году аппаратов УЗИ в наших роддомах еще было, и двойню у Людмилы заранее не определили. Роды оказались «двухэтапными». После рождения первого сыночка медперсонал уже ушел, но вдруг... в общем, докторов пришлось звать снова! Второго ребенка оживляли электрошоком. Так что мама будущих батюшек волновалась. «Не переживайте, мамочка, всё в порядке с вашими Кириллом и Мефодием!» — успокоила Людмилу заведующая. Родители, однако, назвали близнецов Женей и Стасом.

Мальчишки из профессорской семьи в школе учились хорошо, потом были ленинградский Политех, стажировки в США, работа над кандидатскими в Оксфорде. И вдруг они все бросили и поступили в Санкт-Петербургскую духовную академию.

А в 1999 году приняли монашеский постриг.

Сегодня иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зинковские) — единственные в России близнецы, принявшие монашество в один день и час. В 2015 году они стали докторами богословия и сейчас служат в Казанском храме в Вырице и окормляют там приют для особых детей.

«Это была какая-то бездна, и смотреть в нее тяжело было»

— Вы крестились в сознательном возрасте, в 1991-м. Как вы пришли к вере? С чего все началось?

Отец Мефодий:

— Мы воспитывались в обычной советской семье. О Боге у нас как-то не принято было говорить. Хотя бабушка, как потом оказалось, тайно молилась. Но жила она отдельно, и об этом мало кто знал.

Серьезно о Боге мы стали задумываться, когда стали постарше, в начале 1980-х. Тогда ценности, в которые мы искренне верили и которые во многом базируются на христианских идеях братства, равенства народов, серьезно пошатнулись. Стала выпячиваться тема денег, успеха, индивидуализма...

Отец Кирилл:

— Помню, нас еще в раннем детстве стала волновать проблема смерти. Мы вдруг стали понимать, что человек рано или поздно уйдет. Пытались представить себе, как это — все будет, а тебя не будет? Это была какая-то бездна, и смотреть в нее тяжело было. Такой был, видимо, наш первый призыв, но к вере тогда еще не пришли. Правда, мечтали — может, получится стать врачами и изобрести лекарство бессмертия!

Приход к вере произошел позже и не был связан с каким-то кризисом в личной или семейной жизни. Скорее — с социальным катаклизмом, с началом разрушения советской системы, переосмыслением ценностей, плюс, может быть, с некой врожденной тягой к глубоким вопросам.

— А были ли у вас какие-то сомнения, поиски? Молодых людей часто увлекают эзотерика, буддизм, язычество...

Отец Кирилл:

— Безусловно, мы тогда интересовались многими религиями.

Отец Мефодий:

— В том числе и всякой восточной экзотикой. Читали, помню, одного гуру, основателя интегральной йоги... да много чего изучали. Пробовали как-то по-своему молиться. И постепенно стали понимать, что разница в вероисповеданиях сказывается и на практике духовной жизни. Обычно ведь как говорят? «Не важно, как верить, достаточно быть хорошим человеком». Это мы тоже пытались осмыслить. Помог, в частности, старец Амвросий Оптинский, его письмо «дяде лютеранину». И иеромонах Серафим (Роуз), его труд «Православие и религия будущего».

Отец Кирилл:

— Отец Серафим подчеркивает, что только на самый поверхностный взгляд всякая духовность — это хорошо. В частности, изучая восточную духовность, он отмечал наличие антагонизмов: есть такие вещи, которые признаются в христианстве за хорошие, а в индуизме — за плохие, и наоборот. Это тоже было для нас подсказкой. Там очень разные представления о личности. Восток проповедует уход в нирвану, прекращение личного пути, он не может примирить ограниченность с блаженством — рано или поздно сталкиваешься с противоречием. Ответы на свои вопросы мы нашли в Православии.

«Мы ответили, что, на наш взгляд, Христос улыбался»

— Были ли на этом пути поиска веры какие-то встречи, ситуации, разговоры, которые особенно запомнились?

Фото из семейного архива, 1974

Отец Кирилл:

— Много действительно складывалось из общения с разными людьми — как большая мозаика из разных камешков. Подростками мы попали в бойскаутский лагерь в Америке и встретили там капеллана — парня, который собирался стать католическим священником. Я помню наши с ним беседы. У меня в голове на тот момент была полнейшая каша. Я спросил, как он относится к перевоплощениям. Он ответил просто: я верю, что человек — это такое существо, которое не может стать свиньей, деревом, камнем, я верю, что человек — уникальная личность, созданная Богом, и живет один раз. И я подумал: ну правда, как человек может стать свиньей?

Или сдаем экзамен по английскому в Политехе, и вдруг преподаватель спрашивает: «А Христос улыбался или не улыбался?» А у нас сразу мысль: «Он что, знает, что мы в церковь ходим? Почему он нас об этом спрашивает?» Хотя мы тогда не особо активно и ходили, и никто об этом не знал. Так мы и не поняли, почему он это спросил. Ответили, наверное, потому, что что-то подобное обсуждали между собой ранее, что, на наш взгляд, Христос улыбался (*смеется*).

Последним аккордом стало знакомство с известным петербургским священником Иоанном Мироновым. Он нам помог сделать первые шаги в Церкви. Ведь прийти к вере

одно, а стать человеком церковным — другое. Здесь нужен кто-то, кто даст позитивный пример и готов показать, что Церковь — это не просто организация и не бюро ритуальных и прочих услуг. Вот таким человеком и стал для нас отец Иоанн. Он говорит, что в своей жизни не встречал ни одного плохого человека. А ведь три его родных брата и сестра умерли от голода в лагере, куда они попали вместе с матерью, после того как их отца посадили за отказ вступить в колхоз. В Отечественную войну он был артиллеристом и дошел до Кёнигсберга. А после Победы приехал в Вырицу к преподобному Серафиму за советом и стал его духовным чадом.

— А книги? Повлиял ли кто-то из писателей на ваше духовное становление?

Отец Мефодий:

— Да, пожалуй, Достоевский. Его дневники, «Легенда о Великом инквизиторе» из «Братьев Карамазовых», евангельская цитата из эпиграфа к ним же: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Это нас обратило к Евангелию, и оно пришлось нам по сердцу.

Отец Кирилл:

— И тезис Федора Михайловича о том, что коммунизм был подменой религии, верой в светлое будущее для человека в его нынеш-

*Таинство
Крещения
в Казанском
храме
совершает
иеромонах
Кирилл*

нем, земном состоянии, в котором он не способен избавиться от греха... А что, если в этом «светлом будущем» найдется хотя бы один человек, который скажет: а я не согласен, я это ваше будущее испорчу? Ведь без Бога «все позволено».

Читая Достоевского, мы сердцем поняли, что здание нравственности рухнет, если оно не построено на вере в Бога. Никогда люди не договорятся, что такое добро, а что такое зло — ведь без Бога нет системы координат.

Отец Мефодий:

— Хотя сейчас популярна идея, что есть некие «общечеловеческие ценности». На самом деле это тоже фантом — очень уж они разные, эти «общечеловеческие» ценности.

«После нашего крещения отношения у нас в семье сильно осложнились»

— А как вы решили креститься?

Отец Кирилл:

— Мы крестились в 1991 году, хотя вряд ли можно сказать, что это было уже полностью продуманное решение. Мы считали себя неготовыми, и это, наверное, было правдой. В тот год мы второй раз летели в Америку в бойскаутский лагерь, и наша мама сказала: мол, раз вы так далеко летите, нужно покреститься. Мы спорить не стали и крестились в храме святой Екатерины в Мурине. Тогда и познакомились с отцом Иоанном.

В Америке мы, грешным делом, до православного храма так ни разу и не дошли. А когда вернулись, вспомнили, что после крещения не причастились. Пришли к отцу Иоанну, а он говорит: «Да где же вы ходите? Я за вас молюсь, а вас все нет и нет...»

— Как же так, в семье у вас о Боге даже не говорили, а на вашем крещении, оказывается, мама настояла?

Отец Кирилл:

— Мама все-таки была верующей, но это была такая нецерковная вера. Хотя у нее бабушка была церковным человеком, водила ее в Никольский собор.

— Трудно было к церковной жизни привыкать?

Отец Мефодий:

— Трудно было научиться молиться в храме. Мы привыкли молиться домашней молитвой, один на один с Богом. Нам даже вдвоем это было сложно. Одно дело — с кем-то о Боге говорить, а другое — вместе стоять и молиться...

Отец Кирилл:

— Да, был какой-то внутренний барьер, который надо было преодолеть, может быть, даже ощущение некоторой неловкости друг перед другом.

Отец Мефодий:

— Особенно в храме. Чтобы понять, что провоцировало эту неловкость, просто представьте, например: вы стоите в храме, молитесь, а рядом бабушка повторяет вслух все, что говорит священник, и вас это раздражает. В чем пробле-

ма? Видимо, во мне — не в ней же. Проще уйти от бабушки подальше, но правильнее — честно разобратся с собой: что за раздражение такое.

Отец Кирилл:

— Второй трудный момент — это осознание, что такое таинство Исповеди, таинство Причастия, как в них правильно участвовать, что они значат для тебя. Какой вообще смысл в регулярном причащении. Сколько нужно молиться, сколько — поститься. Вон в житиях святых написано, что они очень много постились — может, и тебе так надо?

Отец Мефодий:

— Тут важен вопрос меры, выстраивания правильных акцентов, структурирования духовной жизни. Слава Богу, был отец Иоанн, который подсказывал.

— А как к вашему воцерковлению отнеслись в семье?

Отец Мефодий:

— Отношения у нас в семье после нашего крещения сильно осложнились. Что-то не нравилось папе, что-то — маме. А ведь у нас всегда

была очень хорошая, дружная семья, и атмосфера дома была простая, теплая. Их неприятие нашей церковной жизни было особенно тяжело.

Отец Кирилл:

— Папа — он ведь был ученый — рисовал нам диаграммы: сколько надо процентов на науку, сколько на спорт, сколько на искусство... На веру он выделял процентов десять максимум. Он чувствовал, что мы люди увлекающиеся, и говорил: «Вот вы сейчас уйдете в это полностью, а у вас профессия готовая — дипломированные специалисты, физики, исследователи. И что, вы сейчас под ноль все пустите? Все хорошо в меру».

Отец Мефодий:

— Мы говорили, объясняли, что у нас духовный голод, что мы должны его удовлетворить — у нас ведь никогда этой пищи не было.

Отец Кирилл:

— Помню, я кандидатскую техническую должен писать, а я сижу, читаю что-то из наставлений преподобного Серафима Саровского. Подходит папа: «Опять!?» — «Папа, это же интереснее», — отвечаю. А он мне: «Не аргумент». И я снова берусь за учебники...

Самый критический момент был, когда папа предложил нам отселиться. Для наших родителей это был просто нонсенс, они нас очень любили. Но нам был уже 21 год, в принципе мы были готовы к самостоятельности, просто не хотели портить с ними отношения. Старались общаться очень вежливо, не обострять, но от главных своих позиций уже не могли отойти.

— Какое самое радостное воспоминание ваших первых лет в Церкви?

Отец Мефодий:

— Когда отец Иоанн согласился стать нашим духовным отцом. Хотя, когда мы попросили, он ответил: «Я, наверное, староват для вас». Ему шел уже седьмой десяток... Это был 1992-й год.

Отец Кирилл:

— Радостные моменты были, когда идешь после причастия из храма, и ощущаешь как-то обновление — и тебя, и окружающего мира. Как новое дыхание. И так радостно, легко... ➤

*Трудно было научиться
молиться. Просто представьте,
например: вы стоите в храме,
молитесь, а рядом бабушка
повторяет вслух все,
что говорит священник, и вас
это раздражает.
В чем проблема? Видимо,
во мне — не в ней же. Проще
уйти от бабушки подальше,
но правильнее — честно
разобратся с собой.*

.....реклама.....

Все паломнические поездки
на одном сайте

КИТЕЖ.РФ

8 (800) 775 79 40 - звонок бесплатный

Куда зовёт сердце...

«Мы понимали: в нашей ситуации вернее будет служить Богу вдвоем»

— Когда вы впервые серьезно задумались о монашестве?

Отец Мефодий:

— Желание посвятить себя Богу появилось в сердце, наверное, еще когда мы только-только узнали Евангелие. И мы подумали, что близнецам, особенно единокровным, надо идти в монашество. Потому что, если ты женат, ты должен сойтись душой с другим человеком, а значит, все равно какой-то элемент ревности у нас с братом возникнет.

У нас выше этажом жили тоже два близнеца, в ту же школу ходили. Но они ходили в 10 метрах друг от друга, а мы всегда ходили рядом и что-то обсуждали. Единокровные у нас было всегда как данность. А раз у нас эта данность есть, значит, нужно ее хранить.

Мы, конечно, понимали, что и в монашестве нас могут послать на разные послушания, что в принципе и происходит — у нас все меньше возможности общаться: много духовных чад, много забот. Но такое размышление было: в нашей ситуации вернее будет служить Богу вдвоем.

Отец Кирилл:

— Эта мысль сама выросла в душе. Помню, семинаристы часто спрашивали: батюшка,

нально этот вопрос не решишь — надо молиться. И мы советовали: ты, главное, готовься стать священнослужителем, а женатым или нет — это уже вторично. Это тебе Господь подскажет.

Отец Мефодий:

— Был один знаковый случай. Тогдашний ректор Санкт-Петербургских духовных школ епископ Тихвинский Константин (Горянов) взял нас к себе иподиаконами. Однажды он служил в храме святой Екатерины в Мурино. Обычно владыка после службы сразу уходит, а тут почему-то сел в кресло в алтаре отдохнуть, а мы вдруг одновременно решили сказать ему, что мы в этом храме крестились. Он в ответ: «А, ну значит, вы уже не неофиты, надо монашество принимать». Владыка, видимо, почувствовал наш настрой, но у нас было намерение принимать монашество где-то в монастыре. Даже перед семинарией мы пытались скромно объяснить духовнику, что мы уже много в жизни учились, а книжки мы и сами можем почитать, нас научили с литературой работать. Но батюшка благословил нас на духовные школы, а после предложения владыки — и на постриг при Академии. В обоих случаях отец Иоанн просил только съездить к известному старцу, протоиерею Николаю Гурьянову, он его 40 лет знал.

Отец Кирилл:

— Мы задали отцу Николаю всего один вопрос: «Отец Иоанн благословляет нас учиться, а мы хотим в монастырь». А он говорит: «Я вас благословляю... — тут старец сделал паузу, а у нас сердце замерло, — слушаться отца Иоанна». В результате пришлось нам и в семинарии поучиться, и в академии...

— Отношения с родителями наладились?

Отец Кирилл:

— Да, они все же из уважения к нам приняли наш выбор, за что мы им очень благодарны. А позже во время одной из поездок к отцу Николаю Гурьянову мы попросили его помолиться за родителей, а он посоветовал поговорить их обвенчаться. И вот как-то приехали они навестить нас в одну из псковских обителей, где мы жили как трудники, а духовник монастыря предложил их обвенчать. И они согласились.

Очень помог и архимандрит Кирилл (Начис), тогда духовник епархии, человек, прошедший сталинские лагеря. Его роль была важна не только для нас, но еще больше для родителей. Первую исповедь они прошли именно у него, в академическом храме. Крест у него был отлит экама из оловянных ложек. Он говорил: «Это мой самый дорогой крест».

— Какой момент общения с вашими родителями вам особенно ценен, что вспоминается из детства?

Отец Кирилл:

— Папа Анатолий Викторович, Царствие ему Небесное, конечно, мало нами занимался, пока мы были совсем маленькими, считал, что это больше женское дело. А когда чуть повзрослее стали, любил с нами полежать

Помнится, отец учил анализировать жизнь. Возвращаемся с моря, он начинает: «Вот мы сейчас были на море, расскажите, кому что больше всего запало в душу, что было самое интересное, что мы будем помнить». Этот анализ действительно помогает людям в духовной жизни. Когда человек начинает перебирать беды, огорчения, всегда стоит спросить его: а что было самого хорошего, за что бы ты поблагодарил Бога?»

а какой выбрать путь? Им ведь до рукоположения надо определиться: либо жениться, либо принимать монашество. Один мальчик даже немного повредился на этом — все сравнивал плюсы-минусы того и другого пути. Этих плюсов и минусов может быть очень много, рацио-

*У часовни
в честь преподобного
Серафима Вырицкого,
на территории
Казанского храма*

В приюте отделения Благотворительного фонда «Православная детская миссия» в Вырице, окормляемом братьями-монахами

Бог любит людей больше, чем мы можем себе это представить. Он, когда дает нам видеть страдания других людей, словно говорит: «Я с ними сострадаю, и ты со мной в этом поучаствуй». Наша задача — поучаствовать.

на тахте и пофантазировать. Мы также очень благодарны отцу за системный физкультурный тренинг, за то, что воспитывал в нас волю и целеустремленность. А маме — за ее теплоту, за ее заботу и любовь.

Отец Мефодий:

— Помнится, отец учил анализировать жизнь. Возвращаемся с моря, едем в поезде, и он начинает: «Вот мы сейчас были месяц на море, расскажите, кому что больше всего запало в душу, что было самое интересное, что мы будем помнить из этого». Это меня многому научило. Этот анализ действительно помогает людям в духовной жизни. Когда человек начинает перебирать беды, огорчения, придирки, всегда стоит спросить его: а что было самого хорошего, за что бы ты поблагодарил Бога?

— А с чем монаху труднее всего справиться? С какими переживаниями и трудностями?

Отец Мефодий:

— Первая трудность для меня была, когда владыка после пострига начал говорить: «Вот, вы теперь академические монахи, вы должны заниматься наукой...» А мне внутри как-то беспокойно: вообще-то, при всем послушании, главное-то в монастыре — это молитва, не хочу я быть ученым. То есть я вот буквально только что дал обет послушания, а тут слушаю вдохновенную речь о том, что надо возродить Духовную академию, и внутри с этим не соглашаюсь: сколько лет я думал про монастырь, а тут академия, наука...

Но даже тогда я был уверен, что Господь направит, куда нужно. На самом деле, многое из сказанного тогда, после пострига, реализовалось — пришлось много работать, и диссертации мы написали по теологии — и кандидатскую, и докторскую. И все-таки в конце концов оказались в Вырице.

Отец Кирилл:

— А для меня самым трудным была личная молитва. Особенно когда устаешь и забот много, а нужно отыскать время на молитву. Это, кстати, проблема многих священников. Они же все время молятся за кого-то, с кем-то, и это все очень нужно. Но потом бывает

легко себя оправдать: ну, я уже столько за день молился — ложусь спать. И получается, других учишь, а сам не делаешь.

Еще одна трудность — это, пожалуй, претензии людей. Уделяешь человеку внимание, заботишься, а у него потом упреки: ты, батюшка, должен это, должен то, ты мне время не уделил... И трудно и больно объяснять такому человеку, мол, ты, брат, зарвался. Получается, вроде как ты должен всего себя отдать, но, когда видишь, что у человека какая-то ненасытность, надо его осадить, сказать: знаешь, я не могу быть всегда при тебе, стать твоим «карманным» батюшкой.

— **В чем для монаха радость, счастье?**

Отец Мефодий:

— В том же, в чем и трудность — в личной молитве. И еще: когда видишь духовный успех другого человека, это дорогого стоит.

Отец Кирилл:

— Все-таки монашество — это такое состояние, когда при всех трудах и обязанностях ты не так обременен социальными проблемами, как семейные люди. Вот святитель Иннокентий, апостол Аляски, был женатым священником, а когда жена умерла, а дети выросли, стал монахом и первым иерархом Русской Церкви XIX века. И в письме одной из своих дочерей, инокине, он писал: дочка, твои братья и сестры женаты и замужем, но, даже если они в самых лучших семьях оказались, ты не завидуй, твоя жизнь по сравнению с их жизнями — это как преддверие рая.

— **Можно ли сказать, что иметь брата-близнеца — это какой-то особый духовный опыт?**

Отец Мефодий:

— Мы говорили, что было трудно начать вместе молиться. Можно сказать, что и сейчас в какой-то степени это для нас дополнительная духовная работа. Не только молитва, но и все совместные дела. Нужно сгармонизировать свою точку зрения с точкой зрения брата, а они не всегда совпадают. Но нужно находить общий язык: в работе в детском приюте, в организации строительства при приходе. Одно дело, когда священник сам себе голова — духовник где-то далеко, не каждый же день ты с ним общаешься. А с братом — каждый.

И я и благодарен Богу и брату, что он есть, иначе была бы опасность превратиться в такого маленького папу римского: «Как я сказал, так и будет». А тут надо учитывать, что думает отец Кирилл (*смеется*).

Отец Кирилл:

— Я тоже могу под этим подписаться. Ну и, наверное, мне помогает целеустремленность отца Мефодия, его постоянство, методичность.

Отец Мефодий:

— А я в свою очередь добавлю: «Кирилл» переводится как «солнечный», вот и у отца Кирилла во всем позитив. Я при своей целеустремленности иногда вижу какие-то проблемы, которые кажутся трудными, но его позитивный настрой помогает.

«Претензия к Богу о "слезинке ребенка" имеет в себе очень глубокую червоточину»

— **Вот вы окормляете приют для детей с особенностями развития. Но одного из героев вашего любимого Достоевского мысль о страдании детей заставляет отречься от Божьего мира. Вам знакомо это карамазовское переживание?**

Отец Мефодий:

— Такого опыта не-смирения, в том числе со страданием детей, у нас нет. Как бы тяжело ни было. Был один сложный момент, когда чувствовалось, что ситуация слишком болезненная. Не спалось, уже и помолился, и все равно тяжело... И тут пришла мысль: «А ты видел, чтобы Бог когда-либо оставлял тебя или другого человека?» И ответ: «Нет». Вот и в тот раз ситуация разрулилась. Очевидно, что Бог участвует в жизни этих детей гораздо больше, чем мы.

Я помню, исповедовался у нас один ребенок — не детдомовский, из семьи, отрок Анатолий двенадцати лет. Он потом умер от рака мозга. Он говорил: «Батюшка, у меня очень сильно болит голова, только вы маме не говорите, а то она расстраивается». Тяжело такие вещи слышать от ребенка. Но радостно, что он такой мужественный. И ты видишь, как Бог участвует в нем: не всякий мужчина, который знает, что ему осталось недолго, будет заботиться о других в эти минуты боли.

Мы по опыту знаем, что Бог любит людей больше, чем мы можем себе это представить. Он, когда дает нам видеть страдания других людей, словно говорит: «Я с ними сострадаю, и ты со мной в этом поучаствуй». Наша задача — поучаствовать. Просто, безо всякого там «спасем все человечество».

Бог завещал нам сделать все, что в наших силах в этой жизни, и Христос сказал: «Верующий в меня то, что Я делал, сделает, и больше Меня». Это на самом деле удивительные слова. Христос — Богочеловек, и Он говорит нам, что мы сделаем больше Него.

Отец Кирилл:

— А Ивану Карамазову и тем, кто думает «вернуть Богу билет», я бы сказал, что на самом деле такой человек находится в состоянии обольщения. Эта претензия к Богу о «слезинке ребенка» имеет в себе очень глубокую червоточину: человек думает, что он более милосердный, чем Бог. Но это так бывает от неспособности поверить, что Бог есть любовь и разделяет с человеком его страдания. Мы потом поймем, почему, кто и сколько страдал. Сейчас нужно просто учиться доверять Богу больше, чем себе.

— **Что Вам важно в работе с детьми?**

Отец Кирилл:

— Прежде всего, конечно, их социализация, чтобы они могли найти себя в обществе. Этот приют открыл фонд «Православная детская миссия», все дети в нем — с особенностями- ➔

ми развития. Здесь они живут по принципу семейного воспитания — рука об руку, и им прививают духовные навыки молитвы. Но все-таки мы стараемся их этим не перекармливать, не больше, чем они сами этого хотят.

В нашем приюте используется такая форма, как опекуновство. И мы даем воспитанникам свободу выбора: остаться с нами после совершеннолетия или получить от государства положенную жилплощадь и выбрать иной путь. Мы, конечно, понимаем, что им, наверное, легче было бы пойти по пути отрицания и мира, и Бога: очень уж много зла они в жизни встретили. Поэтому наша задача — помочь им залечить раны и поверить в Бога и в свои силы и возможности.

Хочется научить их благодарности. Научить не пользоваться своим «ущемленным положением». Был такой случай: двух девочек взял на воспитание в семью один священник. Ни в чем не отказывал, любил как своих. И вот в школе этих девочек спрашивают: «Не обижают вас дома?» А они вдруг: «Да, обижают!» Разборки, конечно, начались: что случилось, какая в семье обстановка? И только потом девочки признались, что это сказали «просто так», потому что думали, что им за это что-то дадут... Вот от такой позиции нам хочется детей увести.

Мы не фантазируем, что у каждого будет все идеально, но мы стараемся дать тот максимум, который возможен.

— **Какой случай или диалог с вашими воспитанниками запомнился вам больше всего?**

Отец Кирилл:

— Есть у нас такая воспитанница, Аня Яковлева, ее наши волонтеры забрали из психоневрологического интерната. У нее органическое поражение мозга, но она не аутист. Первые месяцы было тяжело. Аня была сложная, за бороду дергала, царапалась — это было ее стандартное приветствие. Дежурили с ней посменно пять волонтеров. Начали даже сомневаться: изменится ли она? А теперь — небо и земля: оправились, учится, общается, смеется, отец Иоанн даже называет ее «профессоршей».

Ну и конечно, всегда очень радостно слышать, как дети делятся своими победами, вопросы задают. Работать с детьми, молодежью — это особенный труд, но труд благодарный.

«Я могу сравнить жизнь вне Церкви и жизнь в Церкви, и между ними огромная разница»

— **Отец Мефодий, Ваша докторская диссертация была о христианском взгляде на человеческую личность. В чем, по-Вашему, самые острые расхождения христианского и современного светского понимания личности?**

Отец Мефодий:

— Самая большая проблема и противоречие в общепринятом понимании человека как

личности состоит в том, что акцент делается на нашей индивидуальности, уникальности, причем в основном внешней — неповторимости, эксклюзивности внешних черт, поведенческих моделей. Человек работает над собой, пытается стать «выдающимся», но, понимая себя как некую «единицу», теряет глубинный смысл своего существования.

С богословской, духовной точки зрения личность — это прежде всего тот, кто живет не для себя, кто осознает и реализует в своей уникальности свое единство с другими людьми, причем далеко не только с родственниками по плоти. И уникальность важна не столько внешняя, сколько внутренняя, в устройении неповторимых сердца и ума человеческих.

Самому войти в духовное понимание себя человеку невозможно. Получается, что вне Бога, вне религии человек реализовать как личность в полном смысле слова не может. Действуя автономно, он создает некие суррогаты личностного бытия, которые никого никогда не делают поистине счастливым. Многие с мирской точки зрения выдающиеся люди, имевшие тысячи поклонников и последователей, оказывались в глубине души несчастными и страждущими людьми.

— **А если бы к вам пришел молодой, 20-летний человек и спросил: «А зачем мне, человеку XXI века, православие?» — что бы вы ему сказали?**

Отец Кирилл:

— Я бы очень много чего сказал, мы вообще стараемся подготавливать людей к крещению, беседовать со всеми, кто заходит в храм. Вопросов у молодежи много. И основной: зачем вообще эта церковная жизнь?

Каждый человек приходит со своим багажом, и мы стараемся не грузить его сложными теориями. Скорее хотим узнать, есть ли у него сложности, что ему важно в жизни, задавался ли он самыми главными жизненными вопросами? То есть понять, как найти ключик к его душе. Многие, как мы когда-то, задумывались хоть раз о смерти и бессмертии. А «лекарство бессмертия» изобретать оказалось не нужно — Его нам дал Сам Христос — Врач душ и телес наших. Так в Церкви называется Святое Причастие — лекарство бессмертия — это Сам Христос! Наша же священническая задача — подобно докторам принести это лекарство нуждающимся в нем.

А еще я бы сказал каждому: знаешь, я сам имею этот опыт, я могу сравнить жизнь вне Церкви и жизнь в Церкви, и между ними огромная разница. Дело даже не только в том, что речь идет о спасении души — для человека недуховного это подчас пустой звук, — но прежде всего это путь обретения счастья. Путь к истинной радости и гармонии внутри себя, которая постепенно выстраивается и вокруг тебя, преображая всю твою жизнь. ✝.

Беседовала Елена Куршук

Фото Станислава Марченко
Натали Чилиеви